

Спина Цзян Жань напряглась.

— Ци Лянь... Я хочу спросить тебя кое о чём.

— Говори. — Ци Лянь насторожилась.

— Если... я имею в виду, если у тебя часто случаются беспричинные буйства ментальной силы, значит ли это, что даже во сне ты можешь потерять контроль? — Цзян Жань внимательно наблюдала за выражением лица Ци Лянь, но та опустила глаза, погрузившись в свои мысли. Собравшись с духом, она продолжила:

— А у меня нет возможности защититься... Значит, я тоже могу пострадать?

Вопрос был практичным, и, задавая его в лоб, Цзян Жань выглядела бесчувственной и эгоистичной, но зато честной. В этом мире открытые переговоры пугали куда меньше, чем скрытые опасения.

Цзян Жань могла сочувствовать Ци Лянь и, если бы была возможность, помогла бы ей. Но это не означало, что она готова в любой момент оказаться на месте той разгромленной мебели.

— Нет, не бойся. — Ци Лянь не почувствовала особого дискомфорта. Всё-таки они были партнёрами, и это она сама не объяснила Цзян Жань все риски. Теперь, когда та спросила, Ци Лянь могла наконец всё прояснить.

— Ты, возможно, не знаешь, но если бы ты не пришла сегодня, я, скорее всего, до сих пор была бы без сознания. — Ци Лянь медленно объяснила. — Твоя ментальная сила действует на меня успокаивающе. Рядом с тобой у меня обычно не случается приступов.

Правда? Цзян Жань вздохнула с облегчением и смущённо произнесла:

— Прости, это я слишком подозрительная.

— Ничего. Это я не объяснила тебе всё. Твои опасения понятны.

— Тогда... если это так, почему ты согласилась, чтобы я жила отдельно?

Ци Лянь не сразу ответила. Цзян Жань ждала так долго, что уже подумала, будто та снова заснула, но тут Ци Лянь тихо прошептала:

— Человек не должен слишком зависеть от другого.

— Что? — Цзян Жань не расслышала.

— До твоего появления я жила именно так. Нет причин, чтобы после твоего появления я не могла жить без тебя.

Слова звучали бы героически, если бы Ци Лянь не выглядела при этом такой слабой.

Она и правда казалась слабой. Лежа в постели с закрытыми глазами, она вытянула из-под одеяла руку и слегка ухватилась за край простыни, пальцы её иногда подрагивали, словно котёнок, царапающий что-то. Чтобы не поддаться желанию погладить её, Цзян Жань отвела взгляд и вдруг заметила, что Ци Лянь незаметно укрылась одеялом почти по самые глаза и, кажется, собиралась опуститься ещё ниже.

Выглядела она совершенно безобидно. Эта девушка, казалось бы, такая мягкая, обладала удивительно спокойным и ясным умом, отлично разбиралась во многих вещах, была упряма и не желала ни от кого зависеть.

Цзян Жань смотрела на неё какое-то время, словно пытаюсь разгадать, и когда Ци Лянь снова попыталась незаметно сползти пониже, не выдержала и рассмеялась.

— Над чем смеёшься?

Услышав смех, Ци Лянь слегка нахмурилась — казалось, она вот-вот рассердится. Но прежде чем гнев успел проявиться, её голова ощутила лёгкую тяжесть: ладонь Цзян Жань легла на макушку, а затем, пользуясь её замешательством, та ещё и погладила её.

Ци Лянь широко раскрыла глаза.

Перед ней по-прежнему была тьма. Рассвет, полдень, вечер — все эти переменчивые оттенки света не имели для неё значения, ведь она не видела. Зато, лишившись зрения, она обрела обострённые обоняние и осязание. Поэтому, едва Цзян Жань приблизилась, она уловила сладкий апельсиновый аромат её волос и почувствовала тепло другого человека. Оно не было жарким, как от камина, но было удивительно мягким, уютным.

Их ментальные силы были слишком близки, и первым порывом Ци Лянь было не отстраниться, а лишь после второго поглаживания она, словно очнувшись, оттолкнула её руку.

— Ци Лянь, ты иногда такая милая.

Цзян Жань, отстранённая, не рассердилась. Она облокотилась на край кровати, глядя на Ци Лянь с лёгким, почти сестринским любопытством.

На бледных щеках Ци Лянь выступил лёгкий румянец, брови её сдвинулись, словно она сдерживала эмоции:

— Не гладь меня по голове.

Если бы так поступил кто-то другой, это было бы оскорблением. Даже от Цзян Жань Ци Лянь чувствовала лёгкую обиду.

— Ладно, ладно, просто не удержалась. Обещаю, больше не буду. — Цзян Жань, видя её реакцию, тут же пообещала, но через мгновение не выдержала и пробормотала себе под нос:

— Но она же такая приятная...

Из-за этих слов Ци Лянь хотелось рассердиться, но не получалось — с детства её воспитывали в строгости, и она никогда не училась громко ссориться. Да и Цзян Жань пришла с добрыми намерениями, заботиться о ней, поэтому отчитывать её было неловко. Столкнувшись с такой наглостью, она лишь перевернулась на бок, выражая тем самым протест.

Эта реакция была ещё милее! Цзян Жань с трудом сдержала смех, откинулась на спинку кресла из орехового дерева и принялась наблюдать, как та притворяется спящей.

Если считать по реальному возрасту, Ци Лянь была младше. Да и волосы у неё были такие мягкие, так приятно ложились под ладонь, а когда её касались, она слегка вздрагивала — это было очаровательно. Всё это немного стёрло ту дистанцию, что Ци Лянь создавала между ними

раньше.

В комнате воцарилась тишина. Цзян Жань долго бродила по Сетизвёзд, а когда снова взглянула на Ци Лянь, та уже перевернулась и, казалось, крепко спала, обеими руками прижимая к себе одеяло, словно это было нечто бесценное.

Словно... больше у неё ничего и не было.

Цзян Жань замерла.

Она долго смотрела на Ци Лянь, поправила прядь волос, упавшую на её лицо, и случайно коснулась щеки, но та так и не проснулась.

Видимо, несмотря на внешнее спокойствие, вчерашнее буйство ментальной силы всё же сильно на неё подействовало.

Цзян Жань провела в комнате много времени. Когда настал ужин, слуги пригласили её трапезничать. Поскольку Ци Лянь всё ещё спала, она вышла прогуляться и вернулась лишь с наступлением темноты. К тому времени Ци Лянь уже поднялась, накинула военную куртку и, прислонившись к изголовью, спокойно «слушала музыку» — Цзян Жань, увидев наушники, решила, что это песни, но позже узнала, что это были учебные записи.

Аудиолекции, специально подготовленные преподавателями Империи, охватывали все темы и объясняли материал с такой тщательностью, что напоминали тончайшую работу художника-миниатюриста. Для незрячих студентов они были идеальным руководством.

Цзян Жань подошла. Ци Лянь, уловив её присутствие, подняла голову и сняла наушники. После сна она вернула себе прежний вид — спокойный, отстранённый, с той же лёгкой невозмутимостью, словно она ни в ком не нуждалась. Словно была всемогущей.

Но Цзян Жань больше не верила, что она действительно так сильна.

— Ты поела? Почему не отдыхаешь?

— Поела. После приступа я просто выпила питательный раствор, — пояснила Ци Лянь.

Цзян Жань осталась недовольна. Опять питательный раствор! Ци Лянь и так была худой, а с её периодическими буйствами ментальной силы этого явно было недостаточно.

Цзян Жань снова почувствовала жалость.

Сочувствие, уважение, нежелание видеть её страдания, лёгкая симпатия — всё это смешалось, и в конце концов Цзян Жань сама предложила:

— Ци Лянь, может, переедешь ко мне?

Она только что обустроила кухню и не могла просто так оставить тот дом. Но глядя на Ци Лянь в таком состоянии, она не могла оставаться безучастной.

Впрочем, дело было не только в питании. Состояние ментальной силы Ци Лянь действительно требовало её присутствия. Да и Цзян Жань в целом поняла: её кулинарные навыки, если она хочет распространить китайскую кухню в Галактике, рано или поздно станут известны. Так что лучше сразу открыть карты.

В конце концов, её прежняя «я» переехала на Столичную планету только в восемнадцать лет. Она могла сказать, что научилась готовить раньше. Да и отца она не боялась — тот её не выдаст.

<http://bllate.org/book/15936/1424365>